

УДК 1(091)

ОТ ГУМАНИЗМА РУССКОГО КОСМИЗМА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА К ГУМАНИЗМУ НООСФЕРНОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Бирич Инна Алексеевна, доктор философских наук, профессор МГПУ, доцент

Аннотация

Идея гуманизма проходит красной нитью в разные периоды в истории русской философии и науки, особенно ярко заявив о себе на рубеже XIX-XX вв. В этом плане интересно посмотреть на проективную философию русского космизма, возникшую в эпоху Серебряного века под пером мыслителя Н. Федорова. Проект – это форма продуктивного мышления, связующая разные картины мира и опирающаяся на способность человека к воображению. Данная философия была подхвачена в деятельности таких отечественных ученых, как К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, Н. Моисеев и др. Философия русского космизма обозначила грань между научным прогнозом, социальной утопией и реальным гуманизмом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философская линия космизма; научная линия космизма; антропокосмизм; концепция биосферы и ноосферы; коэволюция человечества и природы, ноосферосоциогенез.

FROM THE HUMANISM OF THE RUSSIAN COSMISM OF THE SILVER AGE TO THE HUMANISM OF THE NOOSPHERIC CONCEPT OF THE SOCIETY OF MODERN RUSSIAN THINKERS

Birich Inna Alexeevna, Doctor of Philosophy, professor of department of philosophy and social studies of GAOU IN Moscow city pedagogical university, associate professor

Abstract

The idea of humanism runs a red thread at different periods in the history of Russian philosophy and science, especially clearly declaring itself at the turn of the 19th and 20th centuries. In this regard, it is interesting to look at the design philosophy of Russian cosmism, which arose in the Silver Age under the pen of the thinker N. Fedorov. A project is a form of productive thinking that connects different patterns of the world and builds on a person's ability to imagine. This philosophy was picked up in the activities of such domestic scientists as K.E. Tsiolkovsky, A.L. Chizhevsky, V.I. Vernadsky, N. Moiseyev, etc. The philosophy of Russian cosmism marked the line between scientific prognosis, social utopia and real humanism.

KEYWORDS: the philosophical line of cosmism, the scientific line of cosmism, anthropocosmism, the concept of the biosphere and the noosphere, coevolution of humanity and nature, noospherosociogenesis.

Идея гуманизма, по существу, проходит красной нитью в разные периоды в истории русской философии и науки. Более того, гуманизм как любовь к человеку, сочувствие обиженным – это сама атмосфера русской мысли и культуры, атмосфера, которой дышали многие и многие русские мыслители, писатели, художники, композиторы Серебряного века на рубеже XIX-XX вв. Философ, богослов Василий Зеньковский, сформировавшийся в эпоху Серебряного века, в «Истории русской философии» писал о проникновении гуманизма в Россию из Европы в XVIII в. в его «эстетическом» и «этическом» направлениях [5]. Если продолжать эту мысль Зеньковского, то оба направления тесно слились в культуре XIX в. –

Золотого века русской культуры, вскормив творческий метод критического реализма, особо проявленного в литературе и живописи.

Русская философия как национальная философия зародилась чуть позже – это и гуманизм, и сложное переплетение разных течений, школ, идей. «Дефицит человечности» в жизни потребовал обращения к тем идеям, что поднимали достоинство и роль человека в мире на новую ступень по сравнению с французским Просвещением. Философский аспект гуманизма в русской культуре конца XIX– начала XX века (40 лет Серебряного века) раскрывался через прояснение смысла истории и назначения человека, связанного не только с религиозным учением о конце мира, но и идеей правды и справедливости – вечной пружины народной активности.

Три властителя дум существовали в России Серебряного века:

- Владимир Соловьев (сын известного историка Сергея Соловьева), религиозный философ, педагог, мистик, поэт-символист, создавший философскую методологию Всеединства, включающую в себя рефлексию мира одновременно с разных сторон: религиозной, научной, антропологической, нравственной, эстетической, социальной. Он первым описал будущее Единое христианское государство, включающее в себя все христианские народы.
- Лев Толстой, литературный гений и мыслитель, провозгласивший силу Абсолютного добра как онтологического свойства Бытия, педагог свободного воспитания. Обладал универсальным мировоззрением, защитник народов, борющихся против колониальной зависимости. Толстой был в переписке со многими лидерами освободительного движения в Китае, Средней Азии, Индии, серьезно повлияв на взгляды Махатмы Ганди.
- Николай Федоров (сын кн. Гагарина), оригинальный мыслитель, журналист, сотрудник Румянцевского музея, открывший в общественном сознании тему борьбы со смертью и освоения человеком космоса и Солнечной системы, которая неожиданным образом выразилась в расцвете литературного жанра научной фантастики.

Были и другие факты в общественном сознании этой эпохи, напрямую направленные на развитие социал-демократических идей. Все-таки готовилась первая русская революция 1905 г., значимой в этом движении оказалась фигура Максима Горького с его революционным романтизмом, деятельность Художественного общедоступного театра в Москве, бесстрашно ставившего его пьесы. Революция закончилась принятием Конституции.

Однако проблема гуманизма осталась актуальной. И надо сказать, что для русской социал-демократии того периода ее и не существовало, атеистическая классовая идеология гуманизм – якобы абстрактный – не признавала. Чего нельзя сказать об интеллигенции и деятелях культуры Серебряного века.

Вернемся к русскому космизму. Итак, корень всех линий - «Философия общего дела» Николая Федорова (1829-1903). В Москве Фёдоров был известен среди ученых и писателей конца XIX в. как человек глубоких и многосторонних познаний, энциклопедист, знавший в совершенстве основные европейские языки и несколько восточных, особенно увлекаясь китайским. Его учёность (недаром его называли московским Сократом) совмещалась с оригинальным умом, и принять поистине планетарную философию мыслителя могли немногие. Им владел идеал «всесловной» христианской общины, братского воссоединения человечества в борьбе со смертью, решительное неприятие националистических предрассудков, любой национальной исключительности, потому что на человека он смотрел как на союзника Творца в преображении Вселенной, вместе с Ним сознательно участвующего в общем плане эволюции мироздания — новой Земли и нового Неба [13]. Такой взгляд на Бытие и на человека резко отличался от современного Федорову официального православия, разделявшего Творца и его творение, Дух и Материю.

Н. Федоров назвал свою философию «проектом», считая ее содержание убедительным руководством к действию будущих потомков. Сам жанр проекта выводит нас на прогнозирование будущего. Оно может быть краткосрочным, а может быть долгосрочным. У Федорова это масштабное видение будущего человечества, включенного в эсхатологический сценарий христианского мировоззрения и переписывающего его. В нем три пласта содержания: исторический, научный, гуманитарный и, значит, три траектории восприимчивости. Цепочка преемственности от основателя русского космизма Николая Федорова до Александра Ивановича Субетто, нашего современника, охватывает, примерно, 150 лет, но какие имена втянуты в этот ментальный сюжет! [10].

Начнем с философской линии: Владимир Соловьев (1853-1900) и Сергей Булгаков (1871-1944) – восприимчивики идей Н. Федорова [9], Николай Бердяев (1874-1948) и Алексей Лосев (1893-1988) — восприимчивики идей В. Соловьева. Все были религиозные мыслители, использующие методологию всеединства, предложенную В. Соловьевым, и пишущие о необходимости духовного преобразования человека в качестве Образа и подобия Творца, чтобы выполнить свою преобразующую миссию во Вселенной. Это очень далекий прогноз, опирающийся на христианское и одновременно на проективное сознание. Недаром Сергей

Булгаков поддержал идею Федорова о необходимости христианского отношения к хозяйству как сакральному поприщу, противопоставив его теорию экономической теории К. Маркса как выразителя продажного отношения к труду, кто достал из него прибавочную стоимость и более ничего [10, с. 141-145].

А. Лосев начинает свой философский путь, опираясь на Платона, с исследования диалектики мифа, предложив такую антиномию: «Наука не рождается из мифа, но наука всегда мифологична... Это может быть только потому, что мифическому сознанию свойственна категория истинности... *содержащая в себе вне-научную достоверность, принципиальную закономерность и структуру*» (курсив А. Лосева) [7, с.403-407; 416]. Он отличает мифическую истинность от логической, от практической и от эстетической: «заключается она в установлении степени соответствия текущей эмпирии личности с ее идеально-первозданной проекцией в сознании» [Там же, с. 568]. Проблема мифа, по Лосеву, это проблема символического сознания да еще четвертой степени. Это относится и к далеко идущим прогнозам, уже совершенным в воображении пророка, которые говорит о них как свидетель. Большое искушение, в опоре на научную методологию, назвать подобные прогнозы утопией. Но не будем торопиться с выводами.

Вторая – научная – траектория гораздо более нам известна. Константин Циолковский (1857-1935) – ученик Н. Федорова, Александр Чижевский (1897-1964) – ученик К. Циолковского, Павел Флоренский (1882-1937) – коллега А. Чижевского по Академии наук, Владимир Вернадский (1863-1945) – ученик «системщиков» Д. Менделеева, И. Сеченова, В. Докучаева в бытность свою студентом Петербургского университета, организатор советской науки, - все они оказались представителями возникающей на глазах одного поколения новой научной парадигмы – антропокосмизма. Они и до сих пор остаются здесь первыми.

В «Философии общего дела» Н.Фёдоровым были предвосхищены некоторые научно-технические проекты К.Циолковского: выход человечества в Космос, регуляция природных стихий, освоение околосолнечного пространства и новых видов энергии. Мы называем Циолковского «отцом космонавтики», но он также является и «отцом космической философии и этики». В своих воспоминаниях среди немногих замечательных событий жизни Циолковский особо чтит встречу с Фёдоровым: «Он давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный Фёдоров, друг Толстого, изумительный философ и скромник. Фёдоров раздавал все свое скромное жалование беднякам. Теперь я понимаю, что и меня он хотел сделать своим пенсионером» [14, с. 146] . К сожалению, в советское время философию Циолковского отнесли к его «идеалистическим заблуждениям», но без них не было бы и Циолковского-

ученого, так как мировоззрение гения — явление целостное.

Ученик К.Циолковского, поэт, художник, историк Александр Леонидович Чижевский еще в 20-е годы нашел соответствия между вспышками солнечной активности и крупнейшими фактами в истории человечества (тема его магистерской диссертации). Но так как в его работе не были освещены проблемы исторического материализма, за ним на долгие годы закрепился идеологический ярлык «мракобеса» и «солнцепоклонника». Однако Чижевский продолжал исследовать влияние деятельности солнца на человеческий организм, состав его крови. Так интересы ученого приобрели естественнонаучное направление, он стал биофизиком.

И здесь он оказался на самом переднем крае молодой советской науки. Он защищал идею о наличии в человеческих клетках и органах образований, тождественных элементам радиосхемы. Сегодня мы бы назвали научную проблематику Чижевского современным термином «антропоэкология», но в 30-е годы его имя прочно было связано с «идеализмом в науке». И даже выбор его в 1939 г. Почетным Президентом Международного конгресса по биофизике и биологической космологии в Нью-Йорке не помог широкому распространению его идей в Советском Союзе. В 1942 г. ученый был арестован и репрессирован, но не сломлен. В 1958 г. реабилитирован. Сразу же после возвращения из ссылки он публикует свои научные труды по биофизике, возглавляет соответствующую лабораторию в Академии наук, пишет стихи и рисует картины.

Его коллега по Академии наук Павел Флоренский, сын инженера-путейца и внук священника, с блеском заканчивает физико-математический факультет Московского университета, а потом вдруг поступает в Духовную Академию в стенах Троице-Сергиевой Лавры и после защиты богословской диссертации в 1914 г. «Столп и утверждение истины» остается там читать семинаристам философские дисциплины. Будучи в сане священника он помогал ленинскому правительству разрабатывать план ГОЭЛРО, и не оставляя научно-практических изысканий в области электромеханики, математически описал существование духовного («горнего») мира, его тройственную структуру, проявленную в частности и в человеке — в триаде духа, души и тела [9; 10, с. 162-165]. Ответив отрицательно на требование руководства Академии наук отказаться от сана, был репрессирован и погиб в Соловецком Гулаге.

Советский академик-геохимик Владимир Иванович Вернадский имел удивительную и долгую судьбу в науке, чуть не умер от тифа во время гражданской войны и в то же время стал создателем Таврического университета в Крыму, когда там погибала русская интеллигенция, устремившаяся в эмиграцию. Он думал о научных проблемах планетарного

масштаба. Вернадский обладал поразительной способностью отчетливо видеть проблемы, с которыми в будущем предстоит столкнуться человечеству, и намечать пути их научного исследования. Его труды заложили фундамент для многих новых научных направлений на стыке наук — генетической минералогии, радиогеологии, геохимии, биохимии. Его идеи имели огромное значение для развития биологии. Это выразилось в его учении о биосфере Земли и о живом веществе планеты, созданной им биогеохимии. Он стоял у истоков экологического мышления современного человечества [1].

Во время чтения своих лекций в 20-е гг. в Сорбонском университете Вернадский высказал неожиданную для своего времени гипотезу о будущем состоянии нашей планеты, которое он обозначил термином «ноосфера» — «сфера Разума»: это биосфера, преобразованная научной мыслью. Саму «научную мысль» Вернадский трактовал очень оригинально: как проявление живого вещества она не может быть обратимым явлением. Раз создавшись и проявившись в эволюции биосферы, она несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени [3]. А это значит, что мысль несет в себе вневременную информацию и когда-нибудь из теоретической «фантазии» и посылка обязательно превращается в их практическое решение.

Так и произошло в XX столетии. «Ноосфера – это биосфера, переработанная научной мыслью, подготавливавшаяся шедшим сотни миллионов, может быть миллиардов лет, процессом, создавшим Homo sapiens faber (“человек, разумно действующий” – И.Б.)... В этом плане человек впервые реально понял, что он житель планеты и может – должен! – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетарном аспекте» [3, с. 132]. А ведь эта концепция предвосхитила открытие в конце XX века западными учеными антропного принципа Вселенной.

Только когда были опубликованы архивы ученого спустя 30 лет после его смерти, мы узнали также, что Вернадский был самобытным философом и историком естествознания, развитие которого непосредственно связывал с эволюцией сознания человечества. Особо он ставил вопрос о моральной стороне науки, нравственной позиции ученого. И отвечал на него: **«цивилизация культурного человечества» есть проявление ноосферы.** Какие же признаки ее отличают? Чтобы сделать культуру прочною, необходимо возвысить массы, сделать для них культуру потребностью, а для достижения этого необходимо развитие высших форм сознания, что является, считал ученый, главной заботой демократического государства.

В чем же Вернадский предлагал искать опору? «Надо, чтобы в народе имелись

значительные группы людей, которые не ломаются бурей, но творят и созидают. Необходимо прямо смотреть в глаза происшедшему, пересмотреть все устои своего общественного верования, подвергнуть все критике... надо, чтобы слово разбудило мысли и чувства людей, которые до сих пор жили бессознательно... Мне представляется разум и чувство тесно-претесно переплетенным клубком: одна нить – разум, а другая – чувство, и всюду они друг с другом соприкасаются..., - писал он [3, с. 132]. Он сам, безусловно, принадлежал к этой когорте людей.

Вернадский много размышляет о необходимости реформирования школы и учительского сознания: «Мне кажется, мы сейчас переживаем очень ответственный перелом в научном мировоззрении. Впервые в научное мировоззрение должны войти явления жизни и, может быть, мы подойдем к ослаблению того противоречия, какое наблюдаем между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением. Ведь сейчас все дорогое для человечества не находит в нем — в научном образе Космоса — места... Выявляются ограниченность разума как эволюционного, а не стабильно-конечного, проявления жизни и одновременно наличность в нашей видовой стадии организма тех высших форм сознания, которыми будет в полной и ясной мере обладать тот вид или род, который нас заменит. Структура мозга будет изменена по существу, и этот организм выйдет за пределы планеты» [3, с. 119].

С В.И.Вернадского начинается новый виток развития данной парадигмы. Гуманизм Вернадского обращен к потомкам, к их духовному совершенству. Мне кажется, что мы пока не готовы в полноте воспринять его идеи, мы все уповаем на искусственный интеллект, а ведь дело не в скорости вычислений, а в качестве человеческого мышления синтезировать информацию, далекую от прагматизма.

Продолжателем идей А.Чижевского и В.Вернадского стал сын поэтов А.Ахматовой и Н.Гумилева, Лев Николаевич Гумилёв (1912-1992), тоже сформировавшийся в эпоху Серебряного века. Соединив в себе знания геобиофизики и истории, он предложил совершенно новую интерпретацию исторического процесса, связав историю этносов с космическими импульсами, воздействующими на определенные участки планеты. Роль исторических личностей в таком процессе он видит в том, что они становятся проводниками данных импульсов, катализаторами эволюционного развития народа, формируя его основные ценностные архетипы. Недаром Гумилев дал им название «пассионарии» (носители «страсти», или «возбуждающие прилив созидательной энергии» [4] — поэтичное само по себе и ёмкое по содержанию. Его концепция тоже не укладывалась в рамки исторического материализма.

Гумилев прошел опыт Гулага, но из ссылки вернулся с богатейшими идеями, которые нашли свое воплощение в десятках книг, опубликованных в конце его жизни.

Новую научную картину мира представляет нам известный математик и системолог, глубокий мыслитель Н.Н.Моисеев (1917-2000), которую он сам назвал «универсальным эволюционизмом». В этой картине общество (человечество) представляет из себя неотъемлемую составляющую Природы, их совместное развитие ученый определяет как **коэволюцию**. Ее он и отождествляет с понятием ноосферы: она «...не может возникнуть сама собой. Для этого необходимо, чтобы общество было способным не только регламентировать свои действия, но стать некоторой управляющей подсистемой биосферы, направляющей и развитие общества так, чтобы оно...содействовало и развитию биосферы в целом...- иначе его ожидает конец истории» [8, с. 155]. Ноосферу еще только предстоит построить! А пока... человечество ввергает Природу в состояние экологического кризиса. Чтобы предотвратить катастрофу, о реальной угрозе которой ученый располагает всею имеющейся в математическом моделировании информацией, он выдвигает единственную альтернативу человечеству – **экологический императив!** Такого разворота событий не мог ожидать даже В.Вернадский.

Переход человека в эпоху ноосферы вовсе не предопределен, считает Моисеев. Произойдет ли это эпохальное событие – явление, бесспорно вселенского значения – заранее сказать нельзя. Человеку придется на этом пути преодолеть множество трудностей, но прежде всего преодолеть самого себя, некоторые свои общебиологические пороки. Но для того ему и дан Разум и нравственное чувство благоговения перед Жизнью, которую ему подарил и поддерживает в нем весь Универсум.

Идеи Вернадского продолжают развиваться и в XXI веке. Последователем Н. Моисеева и В. Вернадского считал себя Леонид Васильевич Лесков (1931–2006) – доктор физико-математических наук, профессор, академик РАЕН и Академии космонавтики им. К.Э.Циолковского. Круг его интересов распространялся от вопросов космического материаловедения и физики плазмы до проблем философии освоения космического пространства, построения моделей космических цивилизаций, поисков ответов на многие интригующие вопросы современной науки [2]. Он был не просто энциклопедически образованным человеком, но учёным с системным складом ума, что помогало ему давать глубокие аналитические оценки многим волнующим проблемам современности. Именно поэтому его приглашали преподавать как на сугубо «технические» факультеты МАИ и МГТУ им. Н.Э.Баумана, так и на философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова и

экономический факультет Академии Госслужбы при Президенте РФ.

Все его последние книги – такие как «Неизвестная Вселенная», «Примет ли нас 21 век?», «Синергизм: философская парадигма 21 века», «Пять шагов за горизонт», «Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества» и другие – носят общечеловеческий, мировоззренческий характер и рассчитаны на широкий круг читателей. В них говорится о кризисе научного мировоззрения и парадоксах современной физической науки, оригинальных астрофизических исследованиях, позволяющих предположить существование параллельных вселенных и возможность путешествий во времени. Он тоже занимался далекими прогнозами, называя их футуросинергетикой, но в то же время делал попытки проанализировать важные и вполне «земные» вопросы – например, почему мы так бедственно и бестолково живём и что можно сделать для того, чтобы изменить нашу жизнь к лучшему.

Совершенно определенно о творческом потенциале Вселенной пишет академик Петровской академии наук и искусств, доктор философских и экономических наук, Председатель Философского совета РКО А.И. Субетто [12]. И в этом контексте специфика человека как особой формы живой материи раскрывается только в его творческой деятельности. Ученый переосмысляет понятие «качество жизни» как создание социальных возможностей для творческого развития человека и общества в теории ноосферосоциогенеза, а индикатором качества жизни, его своеобразным интегрирующим «измерителем» он считает...здоровье населения.

Мысль о том, что показатель здоровья напрямую связан с состоянием живого вещества планеты, разделял и другой наш известный ученый из Сибири, академик РАН В.П.Казначеев (1924-2014). Пафос его книг направлен на проблему сохранения генофонда русской нации и высвечивание роли образования и просвещения в этом вопросе.

Ученый выявляет сегодня колоссальное обострение двух тенденций в развитии человечества и в мировой геополитике: геоантропоцентрической и геокосмической. Выделение и внимательное изучение последней было сделано в русском космизме. Являясь представителем данного мировоззрения, Казначеев геоантропоцентрический подход к миру сравнивает с гигантским технократическим спрутом. Казначеев определяет современное демографическое состояние русской популяции как национальную катастрофу, в которой население Сибири оказывается самым уязвимым.

И все же ученый видит перспективу. Россия на своем горьком примере должна выступить как инициатор создания глобального мирового центра развития и сохранения

человечества, своего рода Института «геокосмической безопасности планеты Земля» как живого гена живого космоса, с очень глубоким анализом и объединением репродуктивного потенциала всего человечества, его культур и ресурсов. Для этого совершенно необходимы сдвиг фокуса общественного внимания в сторону социальных, демографических, человековедческих проблем, глубокое межведомственное взаимодействие, система обеспечения жизненного цикла на индивидуальном и общественном уровне, «взрывоподобный» самоускоряющийся режим восстановления нации [6, с. 158].

И здесь Казначеев как врач, 50 лет проработавший в медицине, делится своими удивительными наблюдениями: талантливый человек, как правило, обладает большим потенциалом здоровья, умеет компенсировать недуги. **«И значит, найди талант – будешь здоров!»**. Поэтому так важно с детства открыть в человеке способность к творчеству как способность слышать призыв Вселенной к самосовершенствованию. Это требование к реальному гуманизму, который необходимо продемонстрировать современной науке.

Третья линия развития русского космизма связана с успехами искусства Серебряного века, с эпохой символизма. Свою роль в космизации русского сознания сыграли поэты-символисты, художники Мира искусства, композиторы Александр Скрябин и Микаэлус Чюрленис, мечтающие о массовом музыкальном и художественном воздействии на атмосферу Земли. Их современник поэт Велемир Хлебников уже считал себя Гражданином Вселенной. В своих футуристических стихах он оставил нам «космическую цифирь» о грядущих событиях XX века, подтвержденную историей. Прожив сложную и полную испытаний жизнь, все они своими произведениями подняли значение творчества до уровня животворящей миссии Природы.

Важную роль в развитии космического мирозерцания в России, да и во всем мире, в XX веке сыграла семья Рерихов. Работая на стыке истории, археологии, этнографии, филологии, религиоведения, искусствоведения, минералогии, ботаники и медицины, они организуют специальные научно-художественные экспедиции по Карелии и средней России, Центральной Америке, Индии, Центральной Азии, результатом которых стало создание в Индии (в местечке Кулу на границе с Непалом, где жила семья) научного института гималайских исследований «Урусвати», занимавшегося синтезом различных знаний о человеке. В этом институте формировался прообраз науки будущего, так как человечеству, считали они, необходимо готовиться к грядущим переменам в своем мировоззрении [15]. Архив «Урусвати» вместе с картинами Н.К. Рериха передал в Россию его сын Святослав Николаевич в 1988-89 гг.

* * *

Итак, несколько имен за последние 150 лет развития русской философии, науки и культуры, Можно ли говорить о «русском космизме» как о реальной странице в истории нашей философской и научной мысли? Да, можно! По нескольким параметрам.

Во-первых, это масштаб личностей. Всем им присущи универсальность мышления, чуткость к новым проблемам, разносторонность талантов, особый дар синтеза идей и их организационного воплощения, бесстрашие этической позиции, великие целеустремленность и работоспособность, трагичность судьбы и красота нравственного подвига. Будучи реальными людьми уходящей эпохи, они были одновременно и людьми из будущего, приоткрывая нам завесу над тайной грядущего образа Человека.

Во-вторых, это масштабность научного и культурного вклада русских космистов в науку и искусство XX века, проверенного на практике и определившего основные фундаментальные направления в их развитии.

И в-третьих, — и это самое главное — жизнь и труды русских космистов явили нам основные черты мирозерцания приблизившейся к нам эпохи перемен. Каковы же эти черты?

Космичность мировоззрения. Это совершенно новый для нас этап в осмыслении окружающего мира, когда мы, наконец, увидели, что все, что нас окружает — и мы сами — вписываемся в Большую историю, как она представлена в современной космологической теории, что мы — не полновластные хозяева и «венцы» природы, а ее сотрудники и коллеги (или нерадивые и безответственные «жильцы планеты»). Этим мировоззрением объясняется бесстрашие космистов в исследовании новых идей, еще не апробированных в общественном сознании, их принципиальная позиция по поводу того, что разделение духа и материи — проблема надуманная для философии и вредная для развития науки, искусства и религии, см. [11].

Подойдем к выводам. Идеи русского космизма, несомненно, опережали не только свое время, но и наше. Только в конце XX века, в немалой степени благодаря фундаментальным исследованиям в области космологии и теории систем, особенно открытию антропного принципа Вселенной, мы возвращаемся к наследию русской философии науки, чтобы развивать ее методологию философского синтеза дальше. Мы можем предложить миру новое мировоззрение!

Возвращаясь к идеям гуманизма, присущим русскому космизму, нельзя не обратиться к ноосферно-социалистическим принципам объединения, которые разрабатывает со своими коллегами А.И. Субетто. Человечество оказалось в точке смены логик социальной эволюции:

от логики доминанты закона конкуренции и стихийности развития к логике доминанты закона кооперации и управления социоприродной, ноосферной эволюцией на основе опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования в обществе.

Коллективный разум человечества, к которому апеллировал В.И. Вернадский, а затем Н.Н. Моисеев и В.П. Казначеев, может появиться в своем ноосферном статусе только на социалистических, кооперационных основаниях бытия человечества, в котором действует глобальный принцип социальной справедливости в распределении ресурсов Земли. Субетто отмечает, что шагом к реализации этих принципов можно считать появление Ноосферной духовно-экологической ассамблеи мира (НДЭАМ) в России (президент – Л.С. Гордина) [11, с. 149].

Литература

1. Аксенов Г.П. Три биографии Владимира Вернадского. М.: Архив Российской академии наук, 2014. 164 с.
2. Бирич И.А. Роль отечественных мыслителей в разработке онтологии Универсума: от Платона до Н.Моисеева и Л. Лескова // Вестник МГПУ, серия «Философские науки». 2018, № 4 (28). С. 37–45.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2001. С. 114- 134.
4. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2-х тт. Л.: ЭГО, 1991.
6. Казначеев В.П. Здоровье нации. Просвещение. Образование. Москва-Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 1996. 251 с.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Изд. «Правда», 1990. С. 393-600.
8. Моисеев Н.Н. Универсум. Общество. Информация. – М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
9. Пути преобразования человека // Судьба наследия русской философской мысли на рубеже XXI века: Сборник научных статей/Отв.ред.-сост. И.А. Бирич. М.: МГПУ, 2001. С. 20-79.
10. Русский космизм: Антология философской мысли / под ред. С.Г. Семенов и А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

11. Субетто А. И.. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб.: Астерион, 2010.
12. Субетто А.И. Творчество, жизнь, здоровье и гармония. (Этюды креативной онтологии). М., 1992. 70 с.
13. Федоров Н.Ф. Философия общего дела: статьи, мысли и письма / под ред. В.АВ. Кожевникова и Н.П. Петерсона: в 2 т. Т.1. Верный, 1906. Т.2. М., 1913.
14. Циолковский К.Э. Черты из моей жизни // Молодая Гвардия, 1935, №11. С.5, 124-143.
15. Шапошникова Л.В. Великое путешествие. В 3-х кн. М.: МЦР, 1999-2001.